СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ И ВОСПОМИНАНИЯ

С. Д. Садовников

Дорога из Оренбурга в Уфу длиною в жизнь

Эверсманы — дворянский род, личности из которого в четырех поколениях на протяжении более века (с начала XIX столетия до событий 1917 г.) достойно служили Российской империи, в основном в Оренбургской губернии. Некоторые из них всю жизнь прослужили в Оренбурге и губернии, для некоторых это стало началом дальнейшей большой карьеры в других городах страны. Среди них основатель и первый директор Златоустовской оружейной фабрики, профессор Императорского Казанского университета, вице-губернатор Оренбургской губернии и губернатор Тургайской области, генерал, два статусных санкт-петербургских чиновника. Понятно, что по практике тех лет все они — мужчины. А что же женщины?

Первой женщиной в Российской империи с фамилией Эверсман стала супруга Эдуарда Фридриха фон Эверсмана (после 1840 г. — Эдуард Александрович Эверсман) — Софья Александровна, в девичестве Мансурова. Но она всю жизнь была «при муже» и широкой известности не получила. А вот их дочь — Евгения Эдуардовна Эверсман, первая в Российской империи женщина урожденная Эверсман, была личностью неординарной, с необычной для женщин-дворянок тех лет судьбой, полной неожиданных поворотов и коллизий. Более того, ее жизненный путь совершенно не типичен для законопослушных, совершенно лояльных к государственным устоям Эверсманов…

О Евгении Эдуардовне писали многие историки, краеведы и литераторы Оренбурга, Уфы, Перми и Санкт-Петербурга; имя ее упоминается и в работах современников: Ф. М. Достоевского, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, А. И. Герцена и др. Однако во всех этих трудах показаны лишь отдельные эпизоды ее жизни и деятельности, в основном по пермскому периоду и применительно к основной теме конкретного исторического исследования. Цельная картина жизни Евгении Эдуардовны не показана никем…

Родилась Евгения Эдуардовна 31 января 1826 г. в Оренбурге. Через два года семья Эверсманов с детьми Николаем (р. 1823) и дочерью Евгенией переезжает в Казань, где Эдуард Александрович Эверсман получил должность профессора университета [4, с. 75—79]. В Казани Евгения Эдуардовна блестяще закончила Мариинскую женскую гимназию, отлично владела русским, немецким и французским языками [3, с. 189].

Эдуард Александрович Эверсман, уже будучи профессором в Казани, продолжал свои исследования природы Оренбургского края и ежегодно на летние месяцы вся его семья выезжала в село Спасское Оренбургского уезда. Село это — центр огромного имения Мансуровых, а позднее Эверсманов. Имение было расположено неподалеку от родового имения Тимашевых, крупнейшего в губернии, с усадьбой в селе Ташла. Именно эти два села и были точками притяжения породнившихся семейными узами еще в первой половине XIX века Тимашевых, Мансуровых, Булгаковых, Эверсманов, Габбе — из родословной автора — с другими известными в Оренбуржье фамилиями. Там же происходили знакомства молодых людей и девиц из этих и других оренбургских дворянских фамилий [21, с. 153—155, 172—173]. К середине XIX в. с Тимашевыми породнились Толмачевы: 28 июля 1846 г. в оренбургской Петропавловской церкви состоялось венчание Николая Егоровича Тимашева и Надежды Афанасьевны Толмачевой: «Находящийся в бессрочном отпуске Лейб-Гвардии Егерского полка штабс-капитан Николай Егорович Тимашев, 30 лет, сочетался законным браком с Надеждой Афанасьевной, дочерью начальника дивизии генерал-лейтенанта Афанасия Емельяновича Толмачева, 23 лет…» [23, с. 264]. У Надежды Афанасьевны была сестра Екатерина и два брата — Павел и Александр.

Несколькими годами позже Толмачевы породнились и с Эверсманами: Александр Афанасьевич Толмачев и Евгения Эдуардовна Эверсман обвенчались в конце 1850 г., там же в Оренбурге у них родились два сына — 31 августа 1851 г. Василий, 4 ноября 1853 г. — Владимир [22], а в 1855 г. — дочь Софья [8]. Любопытны личности восприемников при

крещении сына Владимира: в метрической книге Военно-Петропавловской церкви города Оренбурга была сделана запись: «Родился 4 ноября, крещен 24 ноября 1853 года Владимир. Родители: исправляющий должность командующего Башкиро-Мещерякского войска подполковник Александр Афанасьевич Толмачев и законная жена его Евгения Эдуардовна, оба православного вероисповедания. Восприемниками были: исправляющий должность генерал-губернатора Оренбургского и Самарского генерал-майор Николай Васильевич Балкашин, дочь сенатора генерал-лейтенанта Афанасия Емельяновича Толмачева — девица Екатерина Афанасьевна и жена доктора пограничной комиссии Надежда Григорьевна Эверсман». Николай Васильевич Балкашин — супруг Варвары Александровны Мансуровой, в первом браке она была Габбе. Надежда Григорьевна Эверсман — в девичестве Карелина, дочь Григория Силыча Карелина, была замужем за Николаем Эдуардовичем Эверсманом [10, л. 77 об. — 78]. Огромная оренбургская семья, а фамилии-то какие — история Оренбуржья!

Александр Афанасьевич Толмачев родился в 1819 г., в службу вступил 27 января 1832 г. пажом в Петербургский Пажеский Его Величества Корпус, после окончания которого 10 августа 1832 г. произведен в прапорщики и направлен в лейб-гвардии гренадерский полк, а в 1842 г. переведен в лейб-гвардии егерский полк. 23 августа 1851 г. назначен для поручений к командиру Отдельного Оренбургского корпуса в чине майора. 26 марта 1853 г. в чине подполковника был назначен помощником командующего Башкиро-Мещерякским войском, с мая 1853 по февраль 1854 г. исправлял должность командующего Башкиро-Мещерякским войском. 28 марта 1854 г. пожалован орденом Св. Анны 2-й степени [22]. Но тут что-то случается, и в 1856 г. Александр Афанасьевич был уволен от военной службы с чином статского советника [22]. Может быть, причина была объективная или просто Александр Афанасьевич в чем-то не сошелся с генерал-губернатором В. А. Перовским…

Семья Толмачевых переехала в Калугу, где Александр Афанасьевич служил по гражданскому ведомству — председателем Казенной палаты [18]. А Евгения Эдуардовна увлеклась только возникающим в Российской империи течением — эмансипацией женщин, теориями французских публицистов Пьера-Жозефа Прудона и Жюля Мишле. В Калуге Толмачевы познакомились с молодым офицером, обрусевшим немцем Михаилом Петровичем Тиммерманом — человеком образованным, личностью незаурядной и даже героической: служил на Кавказе, был ранен и лишился руки, участвовал в пленении вождя горцев имама Шамиля и сопровождении его в центр России и на жительство в Калугу, награжден Георгиевским крестом. Кроме того, Тиммерман был горячим поклонником женской эмансипации, что наряду с явным его увлечением Евгенией Эдуардовной привело к их взаимному интересу. Кстати, не один Тиммерман был увлечен Евгенией Эдуардовной: в своих мемуарах оренбургский генерал И. В. Чернов пишет: «…к Евгении Эдуардовне был неравнодушен генерал-губернатор граф В. А. Перовский» [14, с. 110]; об этом написано и в трудах И. В. Пороха: «…в молодости Евгения Эдуардовна обладала замечательной наружностью, в 1847 и следующих годах жила в г. Оренбурге, где пользовалась особым вниманием графа Василия Алексеевича Перовского» [18]. Многие современники, особенно по пермскому периоду, отмечали Евгению Эдуардовну (тогда ей было немного за 30 лет) как необыкновенно статную и красивую женщину, что наряду с блестящим умом, независимым характером и великолепными манерами делали ее совершенно неотразимой…

В Калуге Толмачевы прожили недолго, в 1860 г. Александр Афанасьевич был назначен на должность председателя Пермской казенной палаты в чине статского советника [18]. В Пермь с семьей Толмачевых переехал и Тиммерман, которого по настоянию супруги Александр Афанасьевич устроил чиновником в библиотеку Казенной палаты.

В Перми Евгения Эдуардовна, как было принято для дам дворянского сословия при статусных мужьях, участвует в организации народных библиотек, благотворительных литературно-музыкальных вечеров, в открытии женской гимназии и воскресных школ; она — член Дамского попечительного о бедных комитета, директриса губернского попечительного комитета о тюрьмах. Но тут происходит событие, которое резко изменяет жизнь и

дальнейшую судьбу Евгении Эдуардовны. О событии этом современниками было написано очень много, отголоски этого события не утихали и в последующие времена, сохранились они и в настоящее время — это все еще обсуждается в работах современных историков и краеведов. Работы эти пространны, носят не только научно-аналитический, но и субъективно-полемический характер…

В формате статьи не представляется возможным описать все подробности этого события и последующих за ним. Более того, автор статьи не ставит случившееся во главу угла, а считает это лишь эпизодом в жизнеописании Е. Э. Толмачевой. Поэтому — только фабула: в пермском Дворянском (Благородном) собрании на ул. Сибирской во второй половине XIX века начали устраивать литературно-музыкальные вечера. Вечер 27 ноября 1860 г. стал знаменит во всероссийском масштабе. Е. Э. Толмачева, дочь профессора Казанского университета и жена статского советника, председателя Пермской казенной палаты, читала стихотворение «Пир Клеопатры» из финала «Египетских ночей» А. С. Пушкина. Читала прекрасно, просто и вместе с тем эффектно, с полным пониманием внутреннего смысла стихов, с умением придать надлежащее значение каждой мысли и каждой картине поэта. Ее костюм состоял из черного бархатного платья, гладких батистовых рукавов и такого же воротничка мужского покроя, на голове ее был черный чепчик с длинными полосами из белого газа, усеянного черными мушками. Е. Э. Толмачева — молодая, высокого роста женщина с очень красивой, эффектной и замечательно-выразительной наружностью — была встречена публикой громом аплодисментов. Отвечая на вопросы после чтения, Толмачева смело осудила отсталые взгляды на роль и место женщины в обществе.

Публика была слегка ошарашена столь необычным и даже вызывающим поступком статской советницы. Многие пришли в восторг, но некоторые слушатели стали высказывать возмущение в разной форме. И пошла писать губерния… 14 февраля 1861 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась корреспонденция под названием «Из путевых заметок. От Санкт-Петербурга до Иркутска» [16], подписанная двумя буквами — М. Т. (Михаил Тиммерман. — *С. С.*). В корреспонденции пером очевидца были детально описаны события того вечера: «Выбор стихотворения вызвал у одних удивление, у других — осуждение…». У части публики было заметно «чувство оскорбленного достоинства и потревоженной добродетели». Один из слушателей, молодой офицер, задал Е. Э. Толмачевой вопрос по поводу выбора ею этого, с точки зрения «добродетельной» публики, непристойного стихотворения для публичного чтения. Ответ был дан немедленно с удивительной твердостью и смелостью: «Если мы все, и мужчины, и дамы, и девицы, читаем, не конфузясь, грязные и безнравственные французские романы, смотрим, не краснея, сальные и пошлые французские водевили, то было бы в высшей степени смешно и дико не прочесть публично прекрасное художественное произведение великого поэта». Она не находила это стихотворение нескромным. «Добродетельную» публику особенно шокировали слова Клеопатры из стихотворения А. С. Пушкина: «Скажите, кто меж вами купит ценою жизни ночь мою?». По мнению Толмачевой, если это не говорится, то зато делается на каждом шагу: «Мы чуть ли не каждый день видим, как молодые женщины продают себя, и не на одну ночь, а на всю жизнь — противным, дряхлым, но богатым старикам…».

Она резко отозвалась о существующей системе воспитания девушек с ее замкнутостью, мелочной опекой, оторванностью от жизни, науки и знания, высмеяла нелепые, отсталые взгляды на роль и место женщины в обществе. В статье, опубликованной в «Санкт-Петербургских ведомостях», высоко оценивались общественная самодеятельность пермской интеллигенции, ее прогрессивные начинания, ее планы содействия народному образованию. Автор не скрывал своей солидарности со взглядами, высказанными Е. Э. Толмачевой, и выражал пожелание, чтобы ее слова «приняты были к надлежащему сведению и в просвещенных столицах». Вечер, прошедший в Перми, стал поводом для шумной полемики, в которую были вовлечены виднейшие писатели, поэты и публицисты того времени: Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, Н. В. Шелгунов, М. И. Михайлов, В. С. Курочкин, М. Н. Катков, А. Ф. Писемский и др. [8].

Автор статьи не видит необходимости пересказывать и комментировать всю полемику вокруг Е. Э. Толмачевой — об этом написаны десятки книг и статей профессиональными историками и литераторами, тем более не считает возможным восхвалять или осуждать случившееся, как и дальнейшие события в ее жизни, — ведь речь идет о его не очень близкой, но кровной родне. Предков не выбирают…

В Перми семейная жизнь Толмачевых заметно разладилась. В обществе уже откровенно шушукались о близких отношениях супруги статского советника с молодым офицером. Александр Афанасьевич Толмачев был в растерянности, в отчаянии. В прошении к губернскому начальству он просит «исторгнуть законного ребенка из рук потерянной матери» — речь шла о пятилетней дочери Софье; а 9 сентября 1862 г. начался бракоразводный процесс… [18]. Личные проблемы привели Александра Афанасьевича и к проблемам по службе — в 1864 г. он уходит с должности и уезжает из Перми [15, с. 583—584]. Дальнейшая судьба его документально не прослеживается, известно лишь о получении им чина действительного статского советника [6], что указывает на продолжение им службы.

В 1861 г. Евгения Эдуардовна с М. П. Тиммерманом уехала в Казань, где попала под надзор полиции: по рапорту управляющего Пермским III Отделением Корпуса жандармов подполковника Комарова № 104 от 19 ноября 1861 г., предписанием начальника Казанской губернии от 19 июня 1862 г. за Е. Э. Толмачевой был установлен «строгий секретный надзор» полиции [12, л. 89—90, 106—108; 11, л. 8 об. — 12 об.]. В конце 1861 г. Евгения Эдуардовна с М. П. Тиммерманом выехала из Казани в Лондон, где состоялась встреча с А. И. Герценом. В Казань они не вернулись, обосновавшись в Санкт-Петербурге: Евгения Эдуардовна по адресу ул. Итальянская, 67, а Михаил Петрович по адресу Невский проспект, 100 [18]. В 1862 г. Евгения Эдуардовна начала служить приказчицей в книжном магазине Н. А. Серно-Соловьевича на Невском проспекте [25, с. 32]. Магазин становится широко известным и популярным среди демократической части населения столицы, особенно студенчества. Позднее это привело к его закрытию и аресту и ссылке Н. А. Серно-Соловьевича. Что стало с Евгенией Эдуардовной и чем она занималась впоследствии, установить не удалось. Отношения с М. П. Тиммерманом у Евгении Эдуардовны, которые по косвенным сведениям в марте 1863 г. выехали в Ростов-на-Дону, разладились [18]. По другим, также не подтвержденным документально сведениям, Евгения Эдуардовна по-прежнему жила в Санкт-Петербурге [3, с. 191]. Но о каких-либо «революционных» ее деяниях упоминаний более нет.

Сыновья Евгении Эдуардовны Василий и Владимир начали воинскую службу [22], дочь Софья умерла в начале 1863 г. [18]. Ее отец Эдуард Александрович Эверсман скончался в 1860 г., мать Софья Александровна — в 1870 г. Александр Афанасьевич Толмачев скончался в 1884 г.

А Евгения Эдуардовна в 1885 г. появилась в Уфе, где жили два ее брата: Николай Эдуардович и Александр Эдуардович, и замужние племянницы — их дочери — Надежда Николаевна Хасабова и Вера Александровна Базилева. Жила Евгения Эдуардовна в семье овдовевшего к тому времени Александра Эдуардовича, а после его кончины — в этом же доме, но в семье племянника Василия Александровича Эверсмана, на углу улиц Губернаторской и Большой Казанской [20, с. 82]. Продолжает она там жить, вплоть до самой своей кончины, и после отъезда Василия Александровича в 1910 г. на службу в Санкт-Петербург [20, с. 85]. Под надзором полиции Евгения Эдуардовна в Уфе не состояла; в списках поднадзорных лиц, показанных в материалах Национального архива РБ за 1885—1896 гг. (после введения в 1882 г. «Положения о полицейском надзоре»), она отсутствует [17]. Видимо, по возрасту была снята с надзора, или ее брат Михаил Эдуардович Эверсман — крупный столичный чиновник МВД — «позаботился» об этом, тем более в связи с переездом Евгении Эдуардовны «в глубинку», в Уфу…

Евгения Эдуардовна пережила всех своих братьев: Николай умер в 1901 г., Василий в 1902 г., Александр в 1906 г., Михаил в 1910 г. Она скончалась в 1915 г., была похоронена на уфимском Старо-Ивановском кладбище [20, с. 80—84].

Вот такая долгая и непростая получилась дорога Евгении Эдуардовны из Оренбурга в Уфу, длиной в 89 лет…

Список использованных источников и литературы

1. Абашев В. А., Масальцева Т. В., Фирсова А. Н., Шестакова А. А. В поисках Юрятина. Литературные прогулки по Перми. Пермь : Перм. кн. изд-во, 2005. 356 с.

2. Адрес-календарь Оренбургской губернии. 1851 год.

3. Ахмерова Ф. Д. След земной. Уфа : Китап, 2008. 480 с.

4. Бахарева О. Я., Садовников С. Д. Хроника рода Эверсманов (XVII—XX вв.). Уфа : ИП Словохотов, 2016. 204 с.

5. Волков С. В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М. : Университет Пожарского, 2009. 584 с.

6. Высшие чины Российской империи (22.07.1721—2.03.1917) : биограф. словарь : в 3 т. / сост. Е. Л. Потемкин. М., 2017.

7. Гептнер В. Г. Эдуард Александрович Эверсманн. М. : МОИП, 1940. 80 с.

8. Гладышев В. Ф. Пермские египетские ночи, или Скандал в Благородном собрании // Пермяки : газ. о-ва «Пермский краевед». 2021. № 21.

9. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 173. Оп. 11. Д. 741.

10. ГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 1887.

11. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1762.

12. Государственный архив Российской Федерации. III Отд., 1 эксп., № 395.

13. Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. С. Т. Аксаков. Семья и окружение. Уфа : Баш. кн. изд-во, 1991. 373 с.

14. Заметки по истории Оренбургского края генерал-майора И. В. Чернова (из посмертных мемуаров) / подгот. текста, предисл., коммент. Д. А. Сафонова. Оренбург : Оренб. губерния, 2007. 272 с. (Б-ка историко-литературного альманаха «1743»).

15. Коган Г. Ф. Журнал «Время» и революционное студенчество 1860-х годов // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М. : Наука, 1973. С. 581—593. (Литературное наследство ; Т. 86).

16. М. Т. Из путевых заметок. От Санкт-Петербурга до Иркутска // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. 14 февр.

17. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-11. Оп. 2. Д. 13.

18. Порох И. В. У Герцена и Огарева // Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. М. : Наука, 1997. С. 752—758. (Литературное наследство ; Т. 99, кн. 2).

19. Рабинович Я. Б. Ревнители прав народных. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1989. 187 с.

20. Садовников С. Д. «Инночка» и ее уфимские предки — Эверсманы и Штехеры. Уфа : ИП «Словохотов», 2019. 128 с.

21. Садовников С. Д. Кружева семейных уз дворянских родов междуречья Волги и Урала XVII—XIX веков. Уфа : ИП «Словохотов», 2017. 224 с.

22. Семенов В. Г. Оренбургские казаки в семье Эдуарда Эверсмана // Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском пространстве: исторический опыт и современность : сб. материалов V Всерос. науч.-практ. конф. Оренбург : ИПК «Университет», 2015. С. 20—26.

23. Сорокина С. Е. Усадьба на фоне истории. Хроника рода Тимашевых. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2006. 592 с.

24. Спешилова Е. А. Старая Пермь: дома, улицы, люди. 1723—1917. Пермь : Курсив, 1999. 580 с.

25. Тончу Е. А. Женское предпринимательство в России // Как организовать свое дело. СПб. : Общество «Знание» России, 1998. С. 1—32.

Н. Д. Садомская

Оренбургское уездное земство сквозь призму семейной истории

Создание истории семьи представляет собой процесс сложного поиска, который приводит порой к настоящим открытиям. Иногда они не связаны с прямыми предками и даже уводят несколько в сторону, но дают новую историческую информацию, имеющую принципиальное значение для характеристики исторического процесса определенной эпохи и конкретного локуса. Архивный поиск дает возможность расширить содержание источников личного происхождения и увидеть за простой семейной историей исторические события, преломленные через призму жизни конкретной личности. В своей статье С. В. Кодан указывает, что источники личного происхождения привносят в исследование «необходи-